

«НЕ СМЕЙТЕ ЗАБЫВАТЬ УЧИТЕЛЕЙ...»

*К 100-летию со дня рождения
Бориса Александровича Сергеева*

«... И не быть бы нам Икарами,
Никогда б не взмыли в небо мы,
Если б в нас его стараньями
Крылья выращены не были,
Без его бы сердца доброго
Не был мир так удивителен,
Потому нам очень дорого
Имя нашего учителя».

Вероника Тушинова

«**П**орядочность и честность». Вот те слова, которые мы слышим всякий раз, когда речь заходит о Борисе Александровиче Сергееве. Каждый из его учеников в первую очередь отмечает высокие нравственные качества Бориса Александровича, его человечность, его умение общаться с людьми, его неиссякаемую доброту, граничащую с необыкновенно высоким уровнем профессионализма. Это был удивительный человек. Настоящий мастер.

Грустно, что имя Б.А. Сергеева постепенно забывается. Пройдите по консерватории, спросите — на выбор — студентов-струнников: «Кто такой — Борис Александрович Сергеев?» Ответить сумеют лишь единицы. Да и каков их ответ?

— Сергеев... Это хороший педагог. Скрипач.

И все. Не мало ли? Горько, когда уходит память о заботливом педагоге, о высоконравственной личности, отмеченной неизменной порядочностью и честностью. Еще печальнее, если «малоизвестной» и даже «вырванной» страницей из истории Санкт-Петербургской консерватории становится благотворная деятельность истинного мастера, умелого воспитателя, мудрого наставника. Допускать такое отношение к человеку безмерно скромному, чуждому всяческой саморекламы ни в коем случае нельзя: ведь пока мы помним человека, он жив.

К счастью, свято хранят память о Борисе Александровиче его ученики. И мы попросили некоторых из них рассказать о нем.

2009 год является юбилейным для Б.А. Сергеева, в апреле исполнилось 100 лет со дня рождения талантливого педагога. В связи с этим значимым событием поговорим о Борисе Александровиче как о человеке, и как о педагоге.

Родился Борис Александрович Сергеев 18 апреля 1909 года в Нижнем Новгороде. На формирование личностных и творческих качеств ребенка, по всей види-

мости, оказали немаловажное влияние профессии родителей. Его отец — Александр Павлович Сергеев (1876 — 1927) был музыкантом, а мать — Масленникова Апполи-
нария Никифоровна (1882 — 1954) — служила в художественном музее.

В десять лет Сергеев начал заниматься на скрипке. Кто был его педагогом в то время узнать практически невозможно. Но сохранились сведения о том, что в музыкальном училище он учился у Семёна Львовича Лазерсона (1893 — 1969), который одно время был дирижером симфонического оркестра областной филармонии в Нижнем Новгороде. «Тонкий музыкант, требовательный педагог, Лазерсон умел приучить студента работать самостоятельно, и этим во многом объясняется то, что Б.А. Сергеев так блестяще познал всю скрипичную “кухню”» (9, 14). В 1928 г. Борис Александрович окончил музыкальное училище одновременно с общеобразовательной школой и начал работать в Нижегородской филармонии, а тремя годами позже он был принят на работу в оркестр радиовещания. В 1933 году Борис Александрович уехал в Ленинград и поступил в консерваторию к Миرونу Борисовичу Полякину. «Великий скрипач, импульсивный, подвижный человек и скромный студент-провинциал... И все же они нашли друг друга. Полякин очень многое развил в Сергееве как музыканте, и последний сохранил к нему самые теплые чувства и не раз вспоминал его слова, меткие реплики, советы, замечания» (9, 14). После переезда Полякина в Москву Сергеев стал студентом класса Юлия Ильича Эйдлина (1896 — 1958) — заведующего кафедрой скрипки и альта, ученика Леопольда Ауэра. Это был необыкновенный человек: очень требовательный, ответственный, с чувством юмора. Однако, скупой на похвалы, не стеснявшийся высказывать критических замечаний Эйдлин был горячим пропагандистом современного репертуара. «В зрелый период основополагающим началом была установка на развитие у учащихся максимального благоприятного игрового состояния, правильного внутреннего самочувствия, он добивался у учеников полной физической раскрепощенности; другое основополагающее начало — стремление к правдивости и логической обоснованности интерпретации. Он говорил, что техника должна быть естественной при раскрепощенности скрипичного аппарата» (7, 126). Утверждая, что «цель, которая ставится в работе с учеником, заключается в воспитании подлинного музыканта, широко образованного, сочетающего отличное владение инструментом с высокой музыкальной культурой, вполне подготовленного к самостоятельной творческой деятельности» (11, 250). Эти же педагогические принципы использовал в своей дальнейшей преподавательской деятельности и Б.А. Сергеев. Другим немаловажным в жизни Бориса Александровича преподавателем была Елена Иосифовна Брик-Ирадова, педагог по камерному ансамблю, ученица Софьи Александровны Малоземовой, великолепная концертующая пианистка, выступавшая в дуэтах с Л.С. Ауэром и В.И. Шером. Брик-Ирадова преподавала в консерватории с 1928 г. и от всей души помогала студентам «постичь секреты ансамблевого музицирования» (8, 55). Сохранились сведения о том, как она характеризовала игру Сергеева: «красивый, выразительный звук, прекрасная техника, яркая эмоциональность и простота и ясность исполнительского замысла» (1, 2).

Учебу в Консерватории Сергеев совмещал с работой солиста-скрипача в Лен. Кино (1933—1936), Оперной студии при ЛГК (1936—1937), концертном бюро филармонии (1937—1941). В 1938 г. он окончил с отличием полный курс струнного факультета и поступил в аспирантуру.

Во время войны Б. А. Сергеев был эвакуирован в г. Ташкент, где продолжал занятия в аспирантуре. А в 1942 — 1944 гг. он находился на фронте по художественному обслуживанию Красной Армии в качестве солиста и руководителя квартета.

Вернувшись в Ленинград, Борис Александрович работал в Консерватории ассистентом профессора Ю.И. Эйдлина, а затем и преподавателем. В 1954 г. был утвержден в звании доцента по кафедре «скрипки», а с 1971 г. стал профессором ка-

федры. Кроме того, Борис Александрович вел педагогическую деятельность в училище и в школе-десятилетке при Консерватории.

За несколько десятилетий у Сергеева получили образование многие и многие воспитанники. Среди первых выпускников — В. Руттер, В. Подосек, Р. Маневич, А. Юрьев, Г. Турчанинова, Л. Иващенко. Назовем и некоторых иных: Е. Столяренко, Т. Корчмар, Т. Либерова, А. Дядина, Д. Берлинский также учились у Бориса Александровича. В числе его учеников — известные во всем мире исполнители М. Федотов, Т. Гринденко.

С особой благодарностью упомянем тех, кого удалось выслушать, кто поделился своими воспоминаниями.

Бережно хранит заветы своего учителя и продолжает его методику преподавания *Савелий Маркович Шальман* — известный российский скрипач-педагог, заслуженный работник культуры, кандидат искусствоведения, преподаватель Специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории. Савелий Маркович собрал воспоминания о Б.А. Сергееве, которые послужили основой для написания им статьи «Садовник», посвященной 85-летию со дня рождения педагога. Он пишет: «Сергеев знал ремесло, как мало кто его знал. Для него не было мелочей. Как столяр-краснодеревщик знает, как подогнать пазы, сделать незаметным переход от одной фактуры к другой, как подобрать рисунок, так и Борис Александрович умел органично соединить одно игровое движение с другим, легко снимал мышечное напряжение.

Сергеев удивительно тонко чувствовал сам процесс вызревания профессиональных навыков, знал родословную каждого приема, причину любого технического дефекта, его место в общей системе техники. И это при том, что занятия чистой методикой были ему, что называется поперек горла. Он ненавидел схоластику, не терпел абстрактных рассуждений. Для него главным авторитетом была практика. Удобно рукам? Звучит? Все прослушивается? Значит, цель достигнута. В первую очередь Борис Александрович стремился поставить все на здоровую основу, очистить “гниль”, “прочистить” уши и направить мозги <...> Сергеев часто упрощал движение, показывал его простую структуру. И все действительно становилось понятным и простым. Сергеев поглаживал руку ученика, похлопывал по плечу или спине и исчезал. <...> Борис Александрович знал, когда и что сказать, где подтолкнуть или поддержать руку ученика. Своими поощрительными репликами, жестами он укреплял уверенность в своих действиях и не отпускал студента с урока до тех пор, пока не видел прогресса. И если видел в этом необходимость, вызывал на дополнительные занятия. По этой причине он почти никогда не отсылал ученика, даже если тот приходил не вполне подготовленным: всегда было чем заняться. <...> Борис Александрович был немногословным, некрасноречивым, но умел все объяснить. Видимо, именно умение “ухватить” суть явлений, связь между ними помогала любому, независимо от его подготовленности, поймать необходимые двигательные ощущения. <...> Работая над техникой смычка, он поначалу требовал немного — ровно вести смычок, играть чистым звуком. Сергеев не вдавался на этом этапе в детали, не стремился довести навыки до предельного совершенства. Развивая пальцевую технику, Борис Александрович добивался четкости, свободы, беглости пальцев. Он даже прощал неточность интонации, что позволяло ученику полностью сосредоточиться на поставленных задачах и не “бояться” скрипки. <...> Затем наступал второй этап. Добиваясь максимальной точности интонации Сергеев не прощал ни одной фальшивой ноты, требовал предельно отчетливо выявлять внутрिलाдовые тяготения. За интонацией следовала очередь вибрации» (9, 15). После этого учащиеся проходили ряд упражнений, которые обязательно доводились до максимальной степени совершенства. Что касается выбора программы, то Борис Александрович не был склонен усложнять программы, даже при окончании учебного заведения. «Для сергеевской педагогики наиболее характерным было стремление

добиться, чтобы все навыки вырабатывались возможно более простым способом и были надежными. В первую очередь Сергеев требовал организовать исполнение в ритмическом отношении. Метричность не только делала исполнение стройным, но и требовала внимания прежде всего к свободе и рациональности аппарата. <...> Лишь “дисциплинировав” игру ученика, Сергеев начинал вплотную работать над художественным воплощением композиторского замысла. Он энергично выкорчевывал из исполнения всякую нарочитость, манерность, многообразные “художественные” излишества» (9, 15). «В понятие “музыкальность” Борис Александрович вкладывал не только способность к эмоциональному переживанию произведения, но и способность ощутить красоту звука, стремление добиться гибких, незаметных смен смычка, струн, позиций. <...> Сергеев занимался и вопросами интерпретации. Он добивался точности как текстовой, так и ритмической, требовал нахождения и выдерживания правильного темпа, скрупулезно следовал авторским указаниям. Его аппликатура была не только удобна, но и музыкальна» (10, 10). Для наиболее полной образной характеристики преподавателя Савелий Маркович дает высказывание Бориса Львовича Гутникова: «Это был садовник, принимавший чахлые деревца, пересаживающий их в подходящую почву и выращивал крупные, сильные, устойчивые к любым превращениям судьбы деревья» (10, 11).

Еще одна ученица Сергеева — *Людмила Васильевна Аджемова* помнит его как человека необычайно честного, прямого и чистого, самозабвенно любившего музыку, свое дело, любившего учеников и заботившегося о них. «Работоспособность Сергеева не знала границ. Он мог приехать на репетицию в любое время и всегда был энергичен и собран. Учитель был невероятно требователен, в этом одна из важнейших причин его метода. “Я учу, — говорил он, — тому же, что и все остальные, но у меня больше терпения, и я добиваюсь” <...>» (4, 11). «Сергеев удивительно чувствовал природу инструмента: “У меня один учитель — скрипка, она подсказывает все, что надо...” <...> Сергеев придавал большое значение самостоятельному поиску правильных ощущений. Он предлагал, например, одну и ту же фразу, пассаж, мотив играть в разных темпах, “ловить” правильные ощущения» (4, 16). Борис Александрович не щадил самолюбия студентов, был человеком на редкость принципиальным, бескомпромиссным, часто резким при обсуждении концертных или экзаменационных выступлений студента, горячим в споре и высоким профессионалом в своем деле.

Леонид Анисимович Вайман — ныне доцент Владивостокского института искусств — учился у Сергеева с 1961 г. Вайман вспоминал: «Я всегда поражался, как Борис Александрович, не разыгрываясь мог показать любое место из произведения. Причем технические места всегда были совершенны. Не вдаваясь в теорию, он четко формулировал, когда надо, тактические задачи так ясно, что нельзя было их не реализовать» (6, 12).

Лидия Борисовна Никифорова — хранитель фондов музея истории СПбГК им. Н.А. Римского-Корсакова попала в класс к Борису Александровичу за два года до окончания школы-десятилетки, а затем училась у него в консерватории. Многие из своих профессиональных заслуг Лидия Борисовна связывает с деятельностью Б.А. Сергеева. Так, например, сдавшая выпускной экзамен по специальности в десятилетке на «отлично» Лидия Борисовна говорит: «Это полностью заслуга Бориса Александровича». Хочется отметить, что такое значимое событие, как получение Сталинской стипендии, опять, по ее словам, происходило благодаря высокому уровню педагогического мастерства Б.А. Сергеева.

Л.Б. Никифорова упоминает, что работая с учеником, Борис Александрович умел подготовить обширную программу в небольшие сроки, так за годы учебы в консерватории она исполнила все каприсы Паганини и скрипичные концерты Чайковского, Глазунова, Паганини, Хачатуряна. Также Лидия Борисовна акцентирует внимание

на том, что Борис Александрович был играющим педагогом, всегда демонстрировал и объяснял, что и как должно звучать.

Это неудивительно, ведь Борис Александрович вел активную исполнительскую деятельность и отличался широтой творческих замыслов. Его стиль в целом характеризовался полнокровной динамичностью, волевым напором, крупной концертной масштабностью при сохранении естественности и простоты. Сергеев всегда хорошо чувствовал стиль исполняемой музыки, являлся серьезным, вдумчивым музыкантом.

Репертуар Сергеева был многообразен, в него входили сложные полифонические произведения, такие как чаканы Баха, Генделя, Витали; произведения крупной формы, среди которых концерты западноевропейских и русских композиторов: Моцарта, Бетховена, Брамса, Чайковского, Венявского, Глазунова. Великолепно исполнялись и пьесы Глазунова, Чайковского, Шопена, Шумана, Шимановского, Бизе-Сарасате, Паганини, Римского-Корсакова, Дворжака, Моцарта, Шуберта.

Особенно важную роль в творческой жизни Сергеева играло ансамблевое исполнительство. Известно, что существовал тандем: Борис Александрович Сергеев и его жена, «Фелиция Исааковна Фондаминская — тончайший музыкант, профессор кафедры камерного ансамбля, оказавшая сильнейшее воздействие на творчество Сергеева» (9, 14). Ими был сделан ряд сонат, в числе которых, произведения Баха, Моцарта, Бетховена, Шумана, Франка, Брамса, Форе, Афанасьева, Николаева, Косенко, Ракова. Они исполнялись на сонатных вечерах в Малом зале консерватории и в зале Филармонии.

О том насколько значимым для Сергеева было передать своим воспитанникам секреты ансамблевого исполнительства, рассказала концертмейстер Бориса Александровича — *Татьяна Николаевна Населенко*. Она отмечает, что одной из задач Сергеева было научить студента слушать аккомпанемент, и он всегда был требовательным к ансамблю.

До того, как показать первый раз преподавателю программу — выбранную всегда очень точно, с учетом технической подготовленности, индивидуальных лич-

Б.А. Сергеев и Т.Н. Населенко

ностных качеств ученика и с безупречным вкусом — студент два — три раза встречался с концертмейстером. И если во время таких встреч ему удавалось добиться нового в звучании, оттенках, Борис Александрович очень радовался и ценил такие опыты.

Основы, заложенные Б.А. Сергеевым в этой сфере, принесли свои плоды, так, например, традицию ансамблевого исполнительства активно продолжила Л.Б. Никифорова, многократно выступавшая в Малом зале консерватории с Е.А. Муриной, Р.С. Плисс, Н.Н. Позняковской, Л.Б. Уманской. Это были сонатные вечера с богатой и интересной программой, и они имели успех.

Одной из особенностей личности Сергеева было то, что он соглашался заниматься не только с перспективными, талантливыми музыкантами, но и с теми, кто обладал более скромной подготовкой. «Он не любил привлекать к себе внимание, не терпел показухи. <...> Сильнейшим “тормозом”, мешавшим широкой популярности Сергеева, было то, что он брал в класс к себе “всех” откровенных “среднячков”, способных ребят, искалеченных в школах и училищах, ничего не умевших учащихся из провинции (если угадывал в них что-то). Брал из милосердия по просьбе учеников, коллег» (9, 14). Так, *Борис Павлович Смирнов* (сейчас преподаватель Петрозавод-

ской государственной консерватории им. А.К. Глазунова), приехавший из провинции и попавший в класс к Борису Александровичу вспоминает, что уровень преподавания в училище, из которого он приехал, был не такой сильный, поэтому десятилетка и те, кто учился в ней, казались ему чем-то заоблачным. «Сложно представить, кто бы смог выучить меня так, как он!» — восклицает Борис Павлович, что вполне справедливо. Под чутким руководством Бориса Александровича Б.П. Смирнов становится по окончании консерватории одним из лучших среди скрипачей и удостоивается чести участвовать в концерте выпускников, где трое лучших исполнителей играли с оркестром. Как педагог Борис Александрович, по мнению Б.П. Смирнова, был строгий, но ученики не чувствовали на уроках скованности, Сергеев не заставлял играть так, как хочет он. У студента всегда была свобода в выборе аппликатуры, штрихов, Борис Александрович лишь направлял, но почти никогда не возражал. Часто на уроках не хватало времени, поэтому Борис Александрович вызывал учеников к себе домой. На таких уроках можно было поговорить с ним о музыке, обсудить, как нужно заниматься, подискутировать о том, что получается, а что нет. Сам Борис Александрович очень расстраивался, если что то не получалось, и ликовал, когда ученику удавалось справиться с трудностью. Он был тонкий человек, умевший вселить уверенность и достоинство. Борис Александрович всегда спрашивал у студентов, все ли в порядке, не надо ли помочь, хлопотал за них. Это был необычайно организованный человек, складывалось впечатление, что он никогда не болел, всегда был бодр, пунктуален; он любил говорить правду, часто был суров и прям, но при всем этом, он оставался всегда необыкновенно добрым и чутким.

С большим уважением и теплотой отзывается о Борисе Александровиче *Сергей Валентинович Стадлер* — скрипач, дирижер, народный артист России, ректор Санкт-Петербургской консерватории; учившийся у Сергеева в первые годы своей музыкальной деятельности. Сергей Валентинович называет Сергеева выдающимся педагогом, интересным, справедливым, беспристрастным, требовательным, суровым, но очень любимым учениками, настоящим профессором. С.В. Стадлер говорит о том, что Борис Александрович был педагогом Ауэровской школы, и это, несомненно, является важным. Сергеев давал хорошее образование, крепкую базу, он потрясающе знал технологию скрипичной игры.

Характерно, что домашние задания Борис Александрович спрашивал по самому высокому счету. Он не смотрел на то, кто перед ним: малыш или студент; все для него были равны, и каждому он задавал высокую артистическую планку. Может быть, поэтому ученикам Сергеева необыкновенно повезло, поскольку этот даровитый педагог был способен каждого заинтересованного ученика сделать профессионалом.

Замечательным человеком, талантливым исполнителем, *педагогом от Бога* назвала Б.А. Сергеева *Лидия Даниловна Гинецинская*, жена его ученика Льва Захарова. Она не единственная, давшая эту характеристику — «педагогом от Бога» считали Сергеева многие, кому посчастливилось близко общаться с ним. И это в очередной раз доказывает великую значимость Сергеева-педагога.

Хочется верить, что достойное имя будет оставаться в памяти скрипичной школы консерватории. Что принципы Б.А. Сергеева, продолженные учениками, будут востребованы и дальше. И что студенты-струнники, начинающие свой путь, будут более обстоятельно отвечать на вопрос, кто же такой этот музыкант, носивший, может быть, не звучную фамилию, но сделавший достойно свое ценное и важное дело.

*«...Не смейте забывать учителей.
Пусть будет жизнь достойна их усилий.
Учителями славится Россия,
Ученики приносят славу ей.
Не смейте забывать учителей!»*

Андрей Дементьев.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Архив СПбГК. Дело №151. Отдел кадров. Личные дела профессорско-преподавательского состава, служащих и оперной студии консерватории 1971 г.
2. Архив СПбГК. Дело №163. Личные дела профессорско-преподавательского состава, рабочих, служащих и оперной студии 1978 г.
3. Архив СПбГК. Дело №241. Личные дела профессорско-преподавательского состава, служащих, аспирантов и студентов 1936-1953 гг.
4. *Аджимова Л.В.* То, что не забудется // Ключ. Газета педагогов-струнников. — СПб., 1995.
5. Беседы с Афанасьевым Галлием Сократовичем, Гинецинской Лидией Даниловной, Населенко Татьяной Николаевной, Никифоровой Лидией Борисовной, Носковым Зодимом Дмитриевичем, Смирновым Борисом Павловичем, Стадлером Сергеем Валентиновичем, Шальманом Савелием Марковичем.
6. *Вайман Л.А.* ...О Сергееве // Ключ. Газета педагогов-струнников. — СПб., 1995.
7. Из истории отечественной скрипичной игры. М. М. Беляков: статьи, материалы, воспоминания / Под ред. Л.Н. Гуревич. — СПб., 2007.
8. *Никифорова Л.Б.* Памяти Елены Иосифовны Брик-Ирадовой // Musicus. Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. — 2008. № 2 (11).
9. Фотография из личного архива Савелия Марковича Шальмана.
10. *Шальман С.М.* Садовник (к 85-летию со дня рождения Б.А. Сергеева) // Ключ. Газета педагогов-струнников. — СПб., 1994.
11. *Шальман С.М.* Садовник (к 85-летию со дня рождения Б. А. Сергеева) // Ключ. Газета педагогов-струнников. — СПб., 1995.
12. *Юрьев А. Н.* Очерки истории и теории смычковой культуры скрипача. Из творческого наследия скрипача-педагога. — СПб.: СПбГК, 2002.